

История болезни

Гастроли минского Национального драматического театра им. М. Горького

Национальный академический драматический театр имени М. Горького Республики Беларусь приехал в Москву в третий раз. Первые гастроли состоялись в мае 1977-го, вторые – в декабре 1998 года. В нынешней афише пять спектаклей: "Дон Жуан" Ф. Шиллера, "Чужаки" М. Горького, "На золотом озере" Э. Томпсона, "Сон на кургане" Я. Купалы и, наконец, одна из последних премьер юбилейного, 70-го, сезона – спектакль по пьесе Паультомана "Перед заходом солнца" в постановке Бориса Луценко, художественного руководителя театра.

История любви, заявленная в подзаголовке, в самом спектакле оказывается скорее историей болезни. И очевидно, неслучайно своего рода символической фигурой, замыкающей действие, становится врач. Он медленно пересекает сцену вначале, словно предчувствуя печальный финал, и остается один в пустом пространстве в конце спектакля. История главного героя – это история борьбы с болезнью как физической, так и душевной. Однако болезнью, правдой, совсем иного рода, пороками и членами его семьи. Сами они о том не подозревают, и лишь младший – Эдмонт (С. Чернец), самый безалаберный и искренний среди них, – называет вещи своими именами. "Мне начинает казаться, что у нас не семья, а замурованный дурдом", – безапелляционно заявляет он на ответственном семейном совете, когда решается вопрос об опеке над отцом.

Члены семьи Маттиаса Клаузена выглядят некоей единой массой не только тогда, когда в одинаковых спортивных костюмах дружно занимаются утренней зарядкой или, надев маски, в порыве родственных чувств поздравляют отца с юбилеем. Они не расстаются с ними и тогда, когда бутафорские маски сняты. У каждого какая-то своя, раз и навсегда выбранная краска, предложенная Паультоманом. Вольфганг (В. Солодилов) недалек и напыщен, супруга его Паула-Клотильда (Л. Цветкова) замудра и манерна до карикатурности, и вторая пара – нервная, высокомерная Оттилия (А. Шляковская) и грубоватый, деловой бизнесмен Эрик (И. Мещеряков) – все они кажутся фигурами статичными. Пожалуй, лишь в образе старшей дочери Клаузена Беттины (Б. Масумян) прочитываются и неслыханная жизнь, и сильный, волевой характер женщины, фанатично посвятившей свою жизнь отцу.

Постановка Бориса Луценко, основанная на его же сценической композиции, в целом присуща динамичности. Хотя пьеса, обычно трактуемая как трагедия, оборачивается драмой, более привычным современным публике жанром. Контрастирует с действием мощное, мистическое тревожащее звучание органа. Ор-

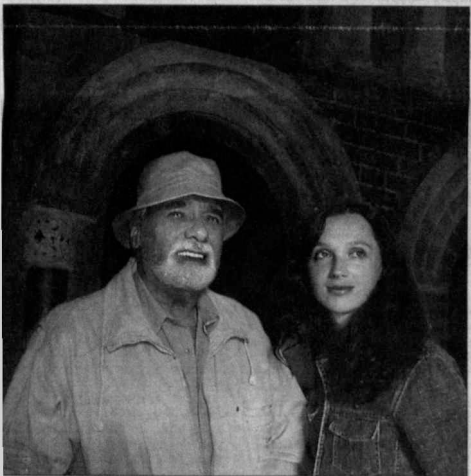
ган является и центральным элементом массовой декорации (художник-постановщик А. Костюченко).

Впрочем, трагические ноты в спектакле все же присутствуют. Прорываются они и в финальном отчаянии Клаузена, и в постоянной напряженной сосредоточенности его верного друга – врача Штайница (О. Корчиков). Тяжелую миссию наблюдателя за развивающейся историей болезни друга Штайниц несет с мудрым достоинством и благородством. По силе характера и личностной наполненности два этих персонажа в спектакле равны, а история их дружбы становится одной из главных линий в развитии сюжета.

Что же до истории любви, то здесь подобного единства двух равных личностей не возникает. Достоинства Инкен (А. Пинкевич) ограничиваются лишь обаянием молодости, что само по себе немаловажно, но глубинного обаяния сильной, незаурядной личности, очарования вдохновенной, самоотверженно преданной женщины ей явно не хватает. Инкен в меру резва и весела, в меру рассудительна и практична. Она одинокого люда отпугивает и с Маттиасом, и с Эдмонтом, с которым у них общий, помимо, немалый болюше. Юная особа в брючках, куртка из джинсовки, с модной сумкой-рюкзачком за плечами поначалу сама воспринимает свой роман с Маттиасом скорее с недоумением, да и ее мать – Анна Петерс (Л. Былинская) – особых волнений на этот счет не испытывает. Предметом увлечения Маттиаса Клаузена (Р. Янковский), наверное, могла бы быть любая другая молодая девушка, поскольку дело здесь, очевидно, даже не в самой Инкен, а в стремлении героя убежать от прежней, настоящей, но навсегда утраченной любви. Портрет красивой, волевой, умной женщины присутствует в спектакле как полноправный его персонаж. Именно с ней, своей трагически погибшей женой, Маттиас продолжает вести незаконченный диалог и доигрывать незаконченную партию в шахматы. Перед ней он чувствует свою вину, к ней стремится и от нее же убегает, бросаясь, как в сумат, в новую жизнь.

И уход Клаузена из жизни не выглядит в спектакле осознанным решением сильной личности, скорее это естественный исход давней болезни, начавшейся со смерти жены, умноженной предательством детей, его рожденных. Поэтому он не только реет детские фотографии, но и в ярости бросает на пол столь дорогой прежде портрет. Ростислав Янковский играет мгновенное превращение подтянутого, молодого мужчины в глубокого, полубезумного старика, который уже сам жаждет заката. И верному доктору лишь остается констатировать конец затянувшейся истории болезни.

Марина ГАЕВСКАЯ

Р. Янковский – Клаузен и А. Пинкевич – Инкен
в сцене из спектакля